

О самом родном человеке — о Сталине...

Великий вдохновитель

Июнь сорок первого года... Кровавое маршевое пожаров широкой полосой зловеще полыхало над Украиной и Белоруссией. Наступило грозное, полное тревоги время, когда каждый советский человек волновался за будущее отчизны.

Мы, русские люди, с нетерпеливым трепетом ждали слова товарища Сталина, его оценки положения, его указаний — как дальше быть, что делать? И 3 июля 1941 года этот час настал. С волнением слушали мы речь вождя.

В этот день я с особенным подъемом работал на агитучастке по улице Радищева. Объясняя положение, рассказывая о том, как строить бомбоубежища, агитировал за сбор металлического лома, нужного стране для снарядов. После сталинской речи по радио мне стала особенно ясной его гениальная стратегия, опирающаяся на миллионные массы, организующая их волю к победе. Мои мысли шли в том направлении, что путь к победе тяжел, но мы победим, и нашу Родину, нашу многовековую культуру мы не отдадим врагу на поругание никогда!

В этот день я видел, как дружно работали женщины, старики и подростки, готовые к противодействию обороне.

Старый кровельщик, укрепляя лестницу возле дома, командовал: — Песок наверх поднимайте, наверх!

И сердито говорил: — Голыми руками не встретим. Нас — сила несметная, нас так не возьмешь!

Народ, откликнувшись на призыв вождя, пришел в движение, бурно и грозно поднималась волна общенародного ополчения.

Двадцать четвертую годовщину Октябрьской революции я встретил в Пензе. Была холодная метель на улице, было холодно в учреждениях и квартирах... Враг еще продвигался вперед.

И вдруг мы снова услышали: — Сталин говорит из Москвы, Москва живет! Прав Сталин, а не Гитлер, который хвастался.

Седой Кремль, вместе с памятниками нашей истории, нашей славы и гордости, обречен врагом

ПАРТИЗАНЫ У СТАЛИНА

В августе в нашей землянке стало известно, что командование партизанского соединения вылетает в Москву, в Кремль, на прием к товарищу Сталину.

К Сталину ехали прославленные командиры партизан: генерал-майор Сидор Артемович Ковпак, генерал-майор Сабуров, подполковник Гуденко, майор Кошелев и командир нашего отряда капитан Козлов.

Две недели партизанский лагерь ожидал из Москвы своих командиров. В августовское утро к штабу подъехала автомашина. Вышел Ковпак и другие. Их окружили сотни партизан.

— Как Москва себя чувствует? Как встречали? Видели ли Сталина?

Сидор Артемович Ковпак, улыбаясь, сказал: — Москве себя чувствует хорошо, да я о нас не забываю. Сталин обещал помощь...

Материнская слава

Село наше, Кривошеевка, в старое время было знаменито тараканами. В каждой хате их водилось несметное множество. Хлеба до новины почти всегда не хватало, и ребята приходили к весне ходить по-липу. Когда у моей матери родился шестой ребенок — она назвала себя самым несчастным человеком.

А вот я за годы советской власти вырастила 9 детей и горжусь этим. Да и как мне, простой сельской женщине, не гордиться? Трое моих сыновей — воины Красной Армии. Старший Михаил — офицер, Павел — старшина, Григорий — радист. Все они героически защищали родную землю, воевали и с немцем и с японцем. За это имеют награды от нашего правительства. Дочери Мария, Агриппина, Анна и сын Иван работали вместе со мной в колхозе, вырастили ефремовский урожай. Николай и Владимир учатся в школе.

За последние 6 лет я получила от государства 12 тысяч рублей пособия по многодетности. Мне отстроили хату, помогли приобрести корову.

Недавно меня вызвали в исполком райсовета и там сообщили, что за воспитание 9-ти детей Советское правительство награждает меня орденом «Материнская слава» I степени. Как я волновалась, когда шла к столу председателя! День за днем проходила передо мной вся моя жизнь. Да, я счастлива. Об этом хотелось сказать, получая орден, и еще, что скоро вернутся дети, и потому так особенно радостна награда, но больше всего о том, что носит каждая женщина Красной страны в своем сердце — о великой благодарности родному товарищу Сталину.

Федосия НЕХАЕВА, колхозница артели им. 1 мая, Скордянский район.

Самое яркое...

Сейчас я занимаюсь во втором курсе историко-филологического факультета Курского педагогического института. Но я всегда буду с теплотой вспоминать нелегкие армейские годы. Я служила в частях ПВО города Москвы.

9 мая 1945 года мой взрост поднял над Красной площадью огромный портрет вождя. Десятки прожекторов осветили его, как бы поддерживая в воздухе своими лучами. День Победы над Германией — самый яркий день в моей жизни! И сейчас, глядя на портрет товарища Сталина на медали, я вспоминаю те дни, в которые я дышала одним воздухом с ним, нашим вождем.

Серафима СТУДЛОВА, участница Великой Отечественной войны.

В труде, как в бою

В боях я уничтожила много немцев, и в всех боях больше всего мне запомнился один, когда я со своей ротой 31 октября 1941 года, высадилась на берег Крыма. В течение 10 часов мы отразили 18 контратак.

После я вновь был в Крыму. Водил свой батальон пехоты. Сражался за Феодосию и Керчь, за Симферополь и Балаклаву, штурмовал Севастополь. В Керчтах меня тяжело ранило. Я пролежал в госпитале и после выздоровления возвратился домой на родину в Старый Оскол. На второй день я пришел в райком ВКП(б) и попросился на работу. Для меня приказ товарища Сталина продолжает жить и сейчас на трудовые подвиги.

Д. В. ТУЛИЦОВ, Герой Советского Союза.

ОТ ВСЕГО СЕРДЦА

Сегодня голос радостно дрожит, Сегодня счастья нашего не скроешь, — Товарищ Сталин! Мы выходим в жизнь, Идем творить, исследовать, и строим! Мы нас учили жизни, и труд любить, Любить науку, правду и свободу, Овлаживать, настойчивыми быть, — Полезными отчизне и народу. Клянемся, что отчизне отдадим. Все наши мысли, знания и силы, Клянемся Вам, что свято сохраним, Все то, чему всегда Вы нас учили. Каким путем мы дальше ни пойдем — Всегда вперед — и прямо, и решительно! И всюду свой девиз мы пронесем: — «Жизнь — ты прекрасна и удивительна!»

Как солнце Сталин светит нашим дням, — Сердцами мы обращены к Сталину! Спасибо Родине: она вручила нам Святое право каждого — учиться! Спасибо вам, герои-победители, За то, что право это отстояли! Спасибо Вам. Вождю и полководцу — вдохновителю! Спасибо Вам, родной товарищ Сталин! ЕЛЕНА ЗАХАРОВА, студентка I курса мединститута. Окончила в 1945 г. среднюю школу № 6 с золотой медалью.

У нас героем становится любой

Мне вспоминаются слова известной песни: «Когда страна будет приклеткой героем, у нас героем становится любой».

Вот и я, бывший грузин, а теперь вагонный мастер, удостоился высшего звания, которое советская страна присваивает своим лучшим сынам — звания Героя Социалистического Труда.

Помню героическую оборону Сталинграда. Мы — железнодорожники — днем и ночью подвозили боеприпасы сражающимся войскам. Жаркое было время. Горели станции. Взрывались железнодорожные пути. А наши поезда ходили без перебоев.

На станциях Алексеевка и Дарница под огнем вражеских снарядов мы вытаскивали военные грузы и снаряжение. Вместе с машинистами Дале и Павлюченко под жестокой бомбежкой фашистских стервятников нам удалось расцепить большой железнодорожный состав. 40 вагонов с боеприпасами было спасено, 20 вагонов со снаряжением сберег от разгрома в Валуях. В Алексеевке спас два поезда.

1944 году меня вызывают в столицу. И там, в Кремле, тов. Сталин вручает мне орден Ленина и Золотую Звезду. Трудно подобрать слова, чтобы выразить чувство, которое я переживал в ту минуту. Мысли мои были обращены к великому человеку эпохи — Сталину, сделавшему все для того, чтобы труд в нашей стране стал делом чести, славы, доблести, героизма.

НИКОЛАЙ ЕТАНШИН, Герой Социалистического Труда, вагонный мастер депо Касторная.

Сильнее смерти

Лечивший меня врач однажды сказал: — Дело кончится плохо! Тебя увезет из театра скорая помощь. Оставь ты сцену! Читай, гуляй, поживай в кресле. Ведь ты это кровью заслужил!

Без любого дела я не жилец на свете. Если бы мне сказали, что поживая в кресле я проживу даже сто пятьдесят лет, то и тогда бы я отказался. Творческий труд победил в моей жизни такую трагедию, которая, казалось бы, должна была навсегда закрыть передо мной двери театра.

В 1943 году в боях под Харьковом я был ранен в обе ноги и попал в окружение. Каким нелепым усилием я заставлял себя двигаться!

Пачка молотого гороха, которую мы делили по щепотке в день, давно кончилась. Мои грызли ремни. Шли ночами цепью, проваливаясь в снег по пояс. Потом уже не шло, а ползли, выбрасывая вперед синие обмороженные кулаки и подтягивая вслед непослушное тело.

На седьмые сутки нас осталось двое: я и капитан Ефимов. — Идем, Федя, идем! — торопил я. — Нам нельзя умирать в этой степи... Надо жить, чтобы бороться. Ведь мы солдаты, Федя! А мы... лежим тут... бесцельно... глупо...

Трудно припомнить сейчас, говорил ли я буквально так вслух или мысленно, во одно ясно помню: была мысль о том, что нельзя умирать в такое время! Столько уже пережило — и вдруг погибнуть. Ведь всего лишь несколько дней назад командир прочел нам перед строем приказ товарища Сталина, в котором всему народу возмещалось, что «началось массовое изгнание врага из пределов Советской страны». Как ждали мы этих дней!

Скажу откровенно: за годы войны я привык как-то особенно глубоко верить каждому слову Сталина. Этому научила боевая жизнь. Мы не только видели, но и всем своим суровым фронтным опытом выстрадали твердую уверенность в прозорливости этого великого человека. Уже никто не сомневался, если сказал Сталин — так и будет, обязательно будет!

Как во сне, мы снова ползли сквозь муть по сугробам, отмечая путь кровавым следом. На девятые сутки у меня началась гангрена и галлюцинации. Я кри-

Спасибо, родной!

Мне 66 годов. Нынче, в день торжественного праздника, хочу я рассказать молодым о своей жизни, как горе мыкали, какие радости выдвигала.

Как темный сон, передо мной жизнь моя девичья. Семью нашу бедность одолевала, у отца, матери нас девять было, — мал-мала меньше. А земли мы один надел имели. Вот и жили! И пришлось мне с 13 годков у буржуев да у кулаков в няньках быть, а как подросла — на поденщине у помещиков Харитоненко да Юсупова день-деньской спину гнуть.

Кому, бывало, праздник, а ты в работе или в слезах горящих проводишь его: одеться, обути, не то что было. Так-то и замуж отдала меня за бедного, в глаза я его до свадьбы не видела. Больной он был. И в замужестве свету белого за работой да заботами не видывала. А как народилось пять деток, муж-то и умер.

Что делать? Как жить-то? — раздумывала. И взялась я скот сельской общины стеречь. Ни свет ни заря, а я уже с ребятами своими в поле. Босые и полурядые, в дождь и в бурю за скотом все глядели. А поест-то путем печего. Ох, хлебушка же тогда горюшка.

Но вот в жизни моей просветление началось. Трудовой народ прогнал буржуев и помещиков. Стали помогать нам, беднякам, родная Советская власть. Я коровку на двор поставила, деток своих учить стала.

С радостью вступила я в колхоз. Каждому крестьянину он был выходом из нужды, а мне, вдове, и подавно. Я вошла в него, как в светлый дом. Только в колхозе отдыхать в труде стала: каждое дело в руках спорилось. И тут я только поняла, что такое свободный труд в колхозе, на себя, на родную Советскую власть.

Колхоз наш жил богато. По пять-шесть килограммов хлеба на трудодень получали мы, хлебные поставщики государству за год вперед вывозили. А я была звеньевой, и посчастливилось участвовать на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

Вклад русской девушки

За годы войны я слала для раненых воинов двадцать семь литров своей крови. Как это началось?

Звук позывных радио-сигналов застал меня на улице. «Сталин говорит, товарищи, Сталин», — крикнул кто-то. На улице стало тихо-тихо... Помню, что я не пропустила тогда ни одного слова из речи Иосифа Виссарионовича. Как сейчас он звучит у меня в ушах: «Необходимо далее... чтобы наши люди не знали страха в борьбе и самоотверженно шли на нашу отечественную освободительную войну против фашистских поработителей».

Ночью я слала плохо, все думала, чем могу помочь стране,

Да, жили мы до войны очень хорошо. Казалось, не будет этой жизни конца — края. Да оборвал ее германец — казнитель, как пошел войной на державу нашу. Пришли они, звери лютые, и началась темная ночь. С хаты меня и дочку выгнали, хлебушек забрали, хозяйство мое решили, обобрали все наше село, как белую липку на лыко.

За полтора года жизни под немцем много разных думок я передумала. От жизни тяжелой стала я хуже да черна. Глядишь, бывало, как немцы пушки везут, сердце кровью обливается. Это ж они на сынов моих везут. Глаза, бывало, прогляжу: не идут ли наши, не слышно ли близко боев.

Не буду рассказывать, сколько радости было, когда Красная Армия освободила нас. Знала тогда одно: надо браться за дело, да воинам нашим помогать. Колхоз был разграблен, а земля вся в ранах. Я-то член правления колхоза и депутат сельсовета, и сразу взялась колхоз сколачивать опять, звеньевой стала. Днив даю, откуда и силы у меня взялись — словно годков на 30 помолодела.

Кинуть можно сложить, как мы жизнь опять становили. Но тут только скажу, что зрело мое и в прошлом и в нынешнем году поработало, как надо. Нынче собрали ржи с 9 гектаров по 15, 3 центнера, а пшеницы — по 14,5 цент. с га. Мы, женщины, хорошо поработали, а теперь с фронта войны-победители идут, идут мирную жизнь строить. Пришли и мои два сына, Петро и Илья, а два, офицеры — Иван и Афанасий, оберегают нашу победу. И хоть их нет, но в торжественный день 28-й годовщины Октября как будто они со мной. И хочется мне в день нашего светлого праздника сказать:

— Великое спасибо тебе, родной отец и великий вождь наш товарищ Сталин за нашу победу над германцем. Много лет тебе жизни на радость всему трудовому народу!

М. ЕВСЮКОВА, звеньевая колхоза им. Ленина, Гриворонского района.

Я ВИДЕЛ ВОЖДА

Самым большим и волнующим событием за всю мою армейскую жизнь было участие в Параде Победы на Красной площади Москвы.

По моему высокому росту я оказался в шеренге прапорщиков и поэтому совсем близко, отчетливо видел Сталина. Он улыбнулся и приветствовал нас. Это значит, что Сталин и меня приветствовал. Я еще тверже чеканил шаг, расправил плечи, подтянулся. Хотелось, чтобы великий Сталин увидел своих верных сынов в полном блеске воинской выправки.

Образ Сталина, каким я его видел в день Победы, никогда не изгладится из памяти.

Ф. АВРАМЕНКО, директор Крутецкого ИСШ, награжден орденами: Славы I, II и III степени, Красной Звезды и двумя медалями.

Помню, как мы, куряне, дрались на своей земле под Белгородом. Дни и ночи, ошметываясь, мы крепко держали оборону. Вокруг все поле полонили наши танки, орудия. Техника, техника и техника! Чьей волей было создано все это? Сталинской волей!

На Курской дуге я вступил в партию. Свою кандидатскую карточку я принес по дороге войны до самого Берлина. С нею бросился в огонь и в воду. И сейчас, возвратясь к мирному труду, я смотрю на нее, почерневшую от воды и пота, и мне кажется, что в моих руках будто великая летопись, которая красочно рассказывает о том, как Сталин и партия спасли жизнь народа.

Слова вождя «Вперед, за нашу Победу!» — придавали силу защитникам Родины.

Мы плыли в холодных водах Одера, чтобы уцепиться за его левый берег и прорваться к Берлину. Сталин знал о наших трудностях. Мы смяли врага в районе Одера и оказались на подступах к Берлину. Сталин чувствовал нашу солдатскую радость. Он был всегда с нами, а мы всегда с ним.

Однажды после ожесточенного боя, в результате которого мы совсем близко подошли к Берлину, нам сказали: «Получена благодарность от самого товарища Сталина». Назвали фамилии тех, кому была адресована благодарность, в том числе и мою. Об этих минутах не расскажешь! Помню, я тогда думал: неужели Сталин благодарит меня.

Уже в самом Берлине наши силы, наш дух, казалось, слились во что-то единое. Вперед, вперед! 4-го мая наша танковая бригада, в которой я был мотористом, подошла к рейнстаду, а на следующий день овладела им. 7-8 мая каждый чувствовал себя победителем. На митинге выступил командир нашей бригады лейтенант Герой Советского Союза полковник Бойко. Он сообщил, что мы отлично выполнили приказ Верховного Главнокомандующего. Я узнал о второй благодарности товарища Сталина.

Все ждали выступления вождя. И когда 9-го мая услышали по радио его слова, мы все мысленно оглянулись назад, откуда мы начали свой поход. Мы шли за нашу Победу. Мы шли к творце Победы.

У французского писателя Анри Барбюса я как-то прочитал о Сталине: «Если Сталин верит в массы, то и массы верят в него... человека, чей профиль изображен на красных плакатах — рядом с Карлом Марксом и Лениным, — это человек, который заботится обо всем и обо всех, который создал то, что есть и создаст то, что будет. Он спит. Он спасет».

Какая сильная правда! Сталин спас нас, наших детей, нашу жизнь, нашу Родину. Жить ему долгие, долгие годы!

П. АСПИДОВ, Свободинского района.

Я ВИДЕЛ ВОЖДА

Самым большим и волнующим событием за всю мою армейскую жизнь было участие в Параде Победы на Красной площади Москвы.

По моему высокому росту я оказался в шеренге прапорщиков и поэтому совсем близко, отчетливо видел Сталина. Он улыбнулся и приветствовал нас. Это значит, что Сталин и меня приветствовал. Я еще тверже чеканил шаг, расправил плечи, подтянулся. Хотелось, чтобы великий Сталин увидел своих верных сынов в полном блеске воинской выправки.

Образ Сталина, каким я его видел в день Победы, никогда не изгладится из памяти.

Ф. АВРАМЕНКО, директор Крутецкого ИСШ, награжден орденами: Славы I, II и III степени, Красной Звезды и двумя медалями.

Сильнее смерти

Лечивший меня врач однажды сказал: — Дело кончится плохо! Тебя увезет из театра скорая помощь. Оставь ты сцену! Читай, гуляй, поживай в кресле. Ведь ты это кровью заслужил!

Без любого дела я не жилец на свете. Если бы мне сказали, что поживая в кресле я проживу даже сто пятьдесят лет, то и тогда бы я отказался. Творческий труд победил в моей жизни такую трагедию, которая, казалось бы, должна была навсегда закрыть передо мной двери театра.

В 1943 году в боях под Харьковом я был ранен в обе ноги и попал в окружение. Каким нелепым усилием я заставлял себя двигаться!

Пачка молотого гороха, которую мы делили по щепотке в день, давно кончилась. Мои грызли ремни. Шли ночами цепью, проваливаясь в снег по пояс. Потом уже не шло, а ползли, выбрасывая вперед синие обмороженные кулаки и подтягивая вслед непослушное тело.

На седьмые сутки нас осталось двое: я и капитан Ефимов. — Идем, Федя, идем! — торопил я. — Нам нельзя умирать в этой степи... Надо жить, чтобы бороться. Ведь мы солдаты, Федя! А мы... лежим тут... бесцельно... глупо...

Трудно припомнить сейчас, говорил ли я буквально так вслух или мысленно, во одно ясно помню: была мысль о том, что нельзя умирать в такое время! Столько уже пережило — и вдруг погибнуть. Ведь всего лишь несколько дней назад командир прочел нам перед строем приказ товарища Сталина, в котором всему народу возмещалось, что «началось массовое изгнание врага из пределов Советской страны». Как ждали мы этих дней!

Скажу откровенно: за годы войны я привык как-то особенно глубоко верить каждому слову Сталина. Этому научила боевая жизнь. Мы не только видели, но и всем своим суровым фронтным опытом выстрадали твердую уверенность в прозорливости этого великого человека. Уже никто не сомневался, если сказал Сталин — так и будет, обязательно будет!

Как во сне, мы снова ползли сквозь муть по сугробам, отмечая путь кровавым следом. На девятые сутки у меня началась гангрена и галлюцинации. Я кри-

Сильнее смерти

Лечивший меня врач однажды сказал: — Дело кончится плохо! Тебя увезет из театра скорая помощь. Оставь ты сцену! Читай, гуляй, поживай в кресле. Ведь ты это кровью заслужил!

Без любого дела я не жилец на свете. Если бы мне сказали, что поживая в кресле я проживу даже сто пятьдесят лет, то и тогда бы я отказался. Творческий труд победил в моей жизни такую трагедию, которая, казалось бы, должна была навсегда закрыть передо мной двери театра.

В 1943 году в боях под Харьковом я был ранен в обе ноги и попал в окружение. Каким нелепым усилием я заставлял себя двигаться!

Пачка молотого гороха, которую мы делили по щепотке в день, давно кончилась. Мои грызли ремни. Шли ночами цепью, проваливаясь в снег по пояс. Потом уже не шло, а ползли, выбрасывая вперед синие обмороженные кулаки и подтягивая вслед непослушное тело.

На седьмые сутки нас осталось двое: я и капитан Ефимов. — Идем, Федя, идем! — торопил я. — Нам нельзя умирать в этой степи... Надо жить, чтобы бороться. Ведь мы солдаты, Федя! А мы... лежим тут... бесцельно... глупо...

Трудно припомнить сейчас, говорил ли я буквально так вслух или мысленно, во одно ясно помню: была мысль о том, что нельзя умирать в такое время! Столько уже пережило — и вдруг погибнуть. Ведь всего лишь несколько дней назад командир прочел нам перед строем приказ товарища Сталина, в котором всему народу возмещалось, что «началось массовое изгнание врага из пределов Советской страны». Как ждали мы этих дней!

Скажу откровенно: за годы войны я привык как-то особенно глубоко верить каждому слову Сталина. Этому научила боевая жизнь. Мы не только видели, но и всем своим суровым фронтным опытом выстрадали твердую уверенность в прозорливости этого великого человека. Уже никто не сомневался, если сказал Сталин — так и будет, обязательно будет!

Как во сне, мы снова ползли сквозь муть по сугробам, отмечая путь кровавым следом. На девятые сутки у меня началась гангрена и галлюцинации. Я кри-

Сильнее смерти

Лечивший меня врач однажды сказал: — Дело кончится плохо! Тебя увезет из театра скорая помощь. Оставь ты сцену! Читай, гуляй, поживай в кресле. Ведь ты это кровью заслужил!

Без любого дела я не жилец на свете. Если бы мне сказали, что поживая в кресле я проживу даже сто пятьдесят лет, то и тогда бы я отказался. Творческий труд победил в моей жизни такую трагедию, которая, казалось бы, должна была навсегда закрыть передо мной двери театра.

В 1943 году в боях под Харьковом я был ранен в обе ноги и попал в окружение. Каким нелепым усилием я заставлял себя двигаться!

Пачка молотого гороха, которую мы делили по щепотке в день, давно кончилась. Мои грызли ремни. Шли ночами цепью, проваливаясь в снег по пояс. Потом уже не шло, а ползли, выбрасывая вперед синие обмороженные кулаки и подтягивая вслед непослушное тело.

На седьмые сутки нас осталось двое: я и капитан Ефимов. — Идем, Федя, идем! — торопил я. — Нам нельзя умирать в этой степи... Надо жить, чтобы бороться. Ведь мы солдаты, Федя! А мы... лежим тут... бесцельно... глупо...

Трудно припомнить сейчас, говорил ли я буквально так вслух или мысленно, во одно ясно помню: была мысль о том, что нельзя умирать в такое время! Столько уже пережило — и вдруг погибнуть. Ведь всего лишь несколько дней назад командир прочел нам перед строем приказ товарища Сталина, в котором всему народу возмещалось, что «началось массовое изгнание врага из пределов Советской страны». Как ждали мы этих дней!

Скажу откровенно: за годы войны я привык как-то особенно глубоко верить каждому слову Сталина. Этому научила боевая жизнь. Мы не только видели, но и всем своим суровым фронтным опытом выстрадали твердую уверенность в прозорливости этого великого человека. Уже никто не сомневался, если сказал Сталин — так и будет, обязательно будет!

Как во сне, мы снова ползли сквозь муть по сугробам, отмечая путь кровавым следом. На девятые сутки у меня началась гангрена и галлюцинации. Я кри-

Сильнее смерти

Лечивший меня врач однажды сказал: — Дело кончится плохо! Тебя увезет из театра скорая помощь. Оставь ты сцену! Читай, гуляй, поживай в кресле. Ведь ты это кровью заслужил!

Без любого дела я не жилец на свете. Если бы мне сказали, что поживая в кресле я проживу даже сто пятьдесят лет, то и тогда бы я отказался. Творческий труд победил в моей жизни такую трагедию, которая, казалось бы, должна была навсегда закрыть передо мной двери театра.

В 1943 году в боях под Харьковом я был ранен в обе ноги и попал в окружение. Каким нелепым усилием я заставлял себя двигаться!

Пачка молотого гороха, которую мы делили по щепотке в день, давно кончилась. Мои грызли ремни. Шли ночами цепью, проваливаясь в снег по пояс. Потом уже не шло, а ползли, выбрасывая вперед синие обмороженные кулаки и подтягивая вслед непослушное тело.

На седьмые сутки нас осталось двое: я и капитан Ефимов. — Идем, Федя, идем! — торопил я. — Нам нельзя умирать в этой степи... Надо жить, чтобы бороться. Ведь мы солдаты, Федя! А мы... лежим тут... бесцельно... глупо...

Трудно припомнить сейчас, говорил ли я буквально так вслух или мысленно, во одно ясно помню: была мысль о том, что нельзя умирать в такое время! Столько уже пережило — и вдруг погибнуть. Ведь всего лишь несколько дней назад командир прочел нам перед строем приказ товарища Сталина, в котором всему народу возмещалось, что «началось массовое изгнание врага из пределов Советской страны». Как ждали мы этих дней!

Скажу откровенно: за годы войны я привык как-то особенно глубоко верить каждому слову Сталина. Этому научила боевая жизнь. Мы не только видели, но и всем своим суровым фронтным опытом выстрадали твердую уверенность в прозорливости этого великого человека. Уже никто не сомневался, если сказал Сталин — так и будет, обязательно будет!

Как во сне, мы снова ползли сквозь муть по сугробам, отмечая путь кровавым следом. На девятые сутки у меня началась гангрена и галлюцинации. Я кри-